

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2026-14-1.160-180>
EDN: RBRETI

УДК 93

**ВЫСТРАИВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ БОЛЬШОЙ ОРДЫ
С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ ПОСЛЕ ЗАХВАТА ТУРКАМИ ТАНЫ****М.Е. Шалак**

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
shemjchich@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: проследить эволюцию отношений Большой Орды к Османской империи после прихода турок-османов в Северо-Восточное Приазовье в к. XV в.

Материалы исследования: работа построена на анализе русских посольских книг и летописей, литовской метрики, сочинений итальянских послов и путешественников, переписки ордынских и крымских ханов с османскими султанами. Теоретической основой послужил анализ предшествующей историографии по теме исследования. Хронологические рамки исследования: с 1475 г. по 1502 г., когда Большая Орда была разгромлена Менгли-Гиреем.

Результаты и научная новизна: Когда в 1475 г. турки захватили итальянскую факторию Тана в Северо-Восточном Приазовье, владения Османской империи оказались в регионе, контроль над которым осуществляла Большая Орда. Можно утверждать, что первоначально в Большой Орде не придали большого значения этому событию. Хан Ахмед мог воспринимать действия турок даже как выгодные для себя, поскольку удаление из Крыма Менгли-Гирея позволило ему ввязаться в борьбу за крымский престол. Однако, в Большой Орде не оставляли надежды на вытеснение турок из региона с помощью той же Венеции, куда хан отправил своих послов. Когда союза с итальянцами создать не получилось, к существованию в Приазовье турецкой крепости Азак в Орде стали относиться как к данности. Из дошедших до нас документов официальной турецко-ордынской переписки мы не видим ни каких претензий со стороны ханов к султанам. Получается, что захват Таны турками никак не повлиял на отношения к ним в Орде. А уже при приемниках Ахмеда Азак стал рассматриваться в Большой Орде как новое место притяжения. Сюда стекались не только простые воины, но и представители правящего рода. Именно из них стало формироваться вольное азовское казачество. Свою роль в сближении татар с османами сыграли языковая, религиозная и, отчасти, культурная близость.

Ключевые слова: Большая Орда, Османская империя, Северо-Восточное Приазовье, Азак, турки-османы, татары

Для цитирования: Шалак М.Е. Выстраивание отношений Большой Орды с Османской империей после захвата турками Таны // Золотоордынское обозрение. 2026. Т. 14, № 1. С. 160–180. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2026-14-1.160-180> EDN: RBRETI

© Шалак М.Е., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

RELATION-BUILDING BETWEEN THE GREAT HORDE AND THE OTTOMAN EMPIRE AFTER THE TURKS CAPTURED TANA

M.E. Shalak

*Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation
shemjchich@mail.ru*

Abstract. The purpose of the study is to trace the evolution of relations between the Great Horde and the Ottoman Empire after the arrival of the Ottoman Turks in the Northeastern Azov region at the end of the 15th century.

Research materials: This work is based on an analysis of Russian embassy books and chronicles, Lithuanian metrics, writings of Italian ambassadors and travelers, and the correspondence of the Horde and Crimean khans with the Ottoman sultans. The theoretical basis is the analysis of previous historiography on the designated research topic.

The results and novelty of the study: In the summer of 1475, the Turks landed at the mouth of the Don. From that moment on, the Northeastern Azov Sea region came under the control of the Ottoman Empire. But how did the Great Horde react to the arrival of the Ottoman Turks? It can be argued that at first the Tatars were wary of such a neighborhood and even made several attempts to conclude military and political alliances in order to oust the Turks from the Azov steppes. When the Greater Horde khans realized that they would not be able to cope with the Turks, they tried to get guarantees from the sultans of non-interference in their struggle with the Crimean Khanate. When this was not achieved, against the background of the disintegration of the Great Horde, the Tatars began to seek reliable protection and patronage in the Turkish Azak. Linguistic, religious, and – to some degree – cultural proximity played a role.

Chronological framework: From 1475 to 1502.

Keywords: Great Horde, Ottoman Empire, Northeast Azov region, Azak, Ottoman Turks, Tatars

For citation: Shalak M.E. Relation-Building between the Great Horde and the Ottoman Empire after the Turks captured Tana. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review. 2026, vol. 14, no. 1, pp. 160–180. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2026-14-1.160-180>* (In Russian)

С древнейших времен район Северо-Восточного Приазовья притягивал к себе различные народы. Географически он охватывает территорию вокруг Таганрогского залива Азовского моря. Река Дон, впадающая в Таганрогский залив, делит его побережье на две части. На северном побережье сегодня расположены такие города, как Мариуполь и Таганрог, на Южном – Азов и Ейск. Ещё античные авторы считали Дон пограничной рекой, разделявшей Европу и Азию. Именно благодаря своему географическому положению, а также природно-климатическим условиям Северо-Восточное Приазовье всегда выступало особой контактной зоной, местом взаимодействия различных культур и цивилизаций. Прилегающие к морю степи с очень плодородными почвами являлись благоприятной средой обитания как для земледельческого населения, так и для кочевых народов. Оставив за рамками нашего изучения древнюю историю и раннее средневековье, отметим, что после монгольского

нашествия в Восточную и Центральную Европу в 1236–1242 гг., Северо-Восточное Приазовье вошло в состав Улуса Джучи, получившего с легкой руки русских книжников XVI в. название «Золотая Орда» [8, с. 164; 34, с. 154]. Спустя некоторое время, в дельте Дона, на южной (левой) её стороне, возникает единственный в Северо-Восточном Приазовье золотоордынский город Азак. Время его появления археологи относят к 1250–1260 гг. [18, с. 261]. Расположившись на перекрестке важнейшего торгового пути, соединявшего Европу с Востоком, город очень быстро привлек к себе внимание итальянских торговцев, которые в 1269 г. на северной окраине Азака, с выходом к Дону, основали свое поселение – Тану [13, с. 39, 43]. Своего наивысшего расцвета Азак достиг во времена правления ханов Токты (1291–1312), когда его площадь увеличилась, по сравнению с первоначальной, в 4 раза (200 га), и Узбека (1313–1341) – ещё в 2,5 раза [18, с. 262]. Тогда же, при Токте, после 1300–1301 г., в Азаке появляется и начинает активно функционировать свой монетный двор, что подчеркивает значение города как важного регионального центра Золотой Орды [22, с. 626]. Венецианская и генуэзская фактории в Танае тоже процветали и пользовались особым юридическим статусом, с правами и привилегиями, закрепленными в соответствующих договорах с ханом Узбеком [13, с. 48].

В 1395 г. Азак и Тана подверглись страшному разгрому со стороны чагатайского эмира Тимура. Распространенным считается утверждение, что на этом жизнь в золотоордынском Азаке закончилась [13, с. 176]. Однако, существует предположение, что даже после 1395 г. какая-то жизнь здесь могла сохраниться. Поэтому полное угасание города некоторые исследователи относят только к 20-м гг. XV вв. [11, с. 204, 206, 208, 217; 1, с. 66]. Подобного нельзя сказать о Танае, которая довольно быстро была восстановлена венецианцами и генуэзцами, и куда уже в 1397 г. стали возвращаться купцы [13, с. 144]. В 1410 г. город подвергся разорению войсками могущественного золотоордынского эмира Идегея и его ставленника хана Пулада (1407–1410). Было убито много венецианцев, а сам консул Таны захвачен в плен [28, с. 710]. В следующем году, во время вторжения в Улус Джучи претендента на ханский престол Джелал ад-Дина, им были разорены многие улусы, в том числе осаждена Тана [26, с. 215; 28, с. 712; 4, с. 400; 38, с. 177; 30, с. 186]. Тогда он не смог достичь своей цели. В Орде ханом был провозглашен Тимур. Он возобновил осаду Таны и овладел городом, произведя сильное опустошение, оцененное венецианцами в 100 000 дукатов [30, с. 186]. В непрекращающейся борьбе за власть в Золотой Орде в первой четверти XV в. Тана была взята в третий раз в 1418 г. Тогда войска Идегея снова напали на город и разграбили его дотла. По данным источников было убито 640 венецианцев, а материальный ущерб составил 200 000 дукатов [30, с. 192–193]. Однако, не смотря ни на что, жизнь в итальянской фактории продолжалась.

Длительная междоусобная борьба в Золотой Орде завершилась распадом этого государства в 1438 г. Северо-Восточное Приазовье вошло в состав образовавшейся тогда Большой Орды. Вернее будет сказать, что это была территория, оставшаяся, наряду с другими, под контролем «центрального» (сарайского) правительства после отпадения вновь образовавшихся ханств: Ка-

занского, Узбекского, Ногайской Орды, чуть позже Крымского (с 1441 г.). Тана также включалась в состав Большой Орды, поскольку итальянские консулы признавали над собой сюзеренитет ее ханов [3, с. 142]. На побережье Азовского моря и Нижнем Дону татары Большой Орды зимовали, перекочевывая сюда с севера при наступлении холодов [31, с. 323]. Согласно М.Г. Сафаргалиеву, владения Большой Орды располагались между Волгой и Днепром, с одной стороны, и от Северного Кавказа до границ Русского государства, с другой [30, с. 268]. Д.М. Исхаков более детально очертил границы Большой Орды. В частности, к территории этого государства он относит и «земли под Азовом на Дону» [12, с. 42]. Тана выступала точкой притяжения кочевых улусов. Ордынцы пасли стада на степных просторах Приазовья. Об этом пишет А. Контарини, венецианский посол в Персию (1474–1477), сообщая, что татары «главного хана» живут в степях Черкесии и около Таны. Летом они откочевывают по ближе к границе России, «в поисках прохлады и травы», а зимой возвращаются обратно [15, с. 220]. Также В.В. Трепавлов добавлял, что к концу XV в. местность между Доном и Волгой, включая предкавказские (а значит и Приазовские) степи, играла роль относительно безопасного убежища для слабеющей Большой Орды [35, с. 249].

Венецианский торговец, путешественник и дипломат Иосафат Барбаро, проживший в Тане с 1436 по 1452 гг., сообщает нам интересные факты о соуществовании итальянской фактории и татарского ханства. Так мы знаем, что в городе проживало татарское население, причем на постоянной основе. Барбаро называет этих татар «местными городскими». Татарские купцы приезжали в Тану и торговали там «цитварным семенем». Здесь находился ханский чиновник – «коммеркиарий», собирающий таможенную пошлину с ввозимых в город товаров [3, с. 145, 147, 152]. Информативным выглядит рассказ Барбаро о захвате турками Крыма в 1475 г. Здесь примечательно рассуждение итальянца о том, что когда в Каффе стали тяготиться чрезмерными притеснениями со стороны Крымского ханства, то генуэзский консул решает искать справедливости у хана Большой Орды, отправив к нему посла через Тану [3, с. 155]. Главное для нас в этом сообщении то, что Барбаро, проживший в приазовских степях бок о бок с татарами 16 лет, считал главным повелителем Дешт-и Кипчак именно хана Большой Орды, сюзеренитет которого, по мнению современника, распространялся не только на Тану, но и на итальянские фактории, расположенные на Крымском побережье.

Историография осmano-ордынских отношений довольно обширна. Уже современники старались не обходить их своим вниманием. Так уже у упомянутого нами Барбаро есть интересное суждение о характере взаимоотношений между турками, захватившими в 1475 г. все итальянские фактории в Крыму и Северо-Восточном Приазовье, и татарскими ханами Большой Орды. Он пишет, что стали распространяться ложные сведения, исходящие из турецкого Константинополя, будто «сам великий хан идет на Каффу вместо Оттомана» [3, с. 156]. Мало того, по воле турецкого султана, этот хан, не названный Барбаро по имени, двинется со своим войском дальше на Монкастро (крепость в устье Днестра, турецкий Аккерман), затем в Валахию и Венгрию, «и вообще всюду, куда ни захочет Оттоман» [3, с. 156]. Поскольку перед

этим в рассказе Барбаро речь шла о захвате турками Каффы и борьбе Крымского хана Менгли-Гирея с ханом Мордассой (Муртазой), правителем Астрахани, то информация эта могла относиться к 80-м гг. XV вв. Б. Шпулер считает, что война между Крымским ханством и Большой Ордой, в ходе которой Муртаза попал в плен к Менги-Гирею, о чем сообщает в своем рассказе и Барбаро, происходила зимой 1485/1486 г. [38, с. 217]. Так как для итальянского современника была совершенно очевидна разница между Муртазой и «великим ханом», который должен был, выполняя волю османского султана, вторгнуться в Крым, то, скорее всего, речь идет о родном брате Муртазы – хане Шейх-Ахмеде. Из распространявшихся известий, о которых сообщает Барбаро, вытекает, что хан Большой Орды находился в вассальной зависимости от турецкого султана. Но современник категорически отвергает это, заявляя, что эти слухи ложные, «хотя они и получаются через письма из Константинополя» [3, с. 156]. И действительно непонятно, зачем туркам отправлять «великого хана» на Каффу, если она ещё в 1475 г. была захвачена войсками Мехмеда II и превращена в османскую крепость Кефе? Следующий за Каффой пункт – Монкастро, куда по указке Баязида II должен был двинуться Шейх-Ахмед, тоже был захвачен турками в 1484 г. и превращен ими в Аккерман [38, с. 216]. Поэтому, конечно, все эти известия о якобы готовящемся по поручению «Оттомана» походе «великого хана» являются ложными. Но интересен сам факт, что именно из Константинополя (Стамбула), как утверждает Барбаро, распространялся слух о якобы вассальном положении хана Большой Орды по отношению к султану Османской империи, схожем с положением Крымского хана Менгли-Гирея. Следовательно, создание такого представления о роли и месте турецкого повелителя в постордынском мире было выгодно Стамбулу.

Следует также назвать работы выдающегося турецкого историка А.Н. Курата, одного из первых исследователей турецко-ордынских отношений [16, с. 68–96]. Так, им впервые были опубликованы письма ханов Махмуда и Ахмеда к султану Мехмеду II Фатиху. При этом письма снабжены подробными комментариями и пояснениями ученого. В отечественной историографии к теме осmano-ордынских отношений обращались многие исследователи. В качестве примера хочется назвать работу И.Б. Грекова, отмечавшего, что 50–70-е гг. XV в. турецкий султан стал проявлять всё больший интерес к делам татарских государств, возникших после распада Золотой Орды на Волге и в Крыму [5, с. 148]. Большая работа по изучению, в том числе и историографии, истории взаимоотношений постордынских государств с Османской империей была проделана И.В. Зайцевым [10]. В частности, к уже названным двум письмам ордынских ханов в качестве источниковой базы историк добавляет письмо Мехмеда II к хану Ахмеду и письмо ордынского хана к турецкому султану 1477 г. И.В. Зайцев справедливо замечает, что имеющихся в нашем распоряжении материалов явно недостаточно для того, чтобы составить полное представление о развитии осmano-ордынских связей во второй половине XV в. [10, с. 71]. Из относительно недавних работ, так или иначе затрагивающих историю осmano-ордынских отношений, можно указать на монографию С.Ф. Орешковой. Согласно её концепции, турецкий

султан принимал великодержавные притязания хана Ахмеда на Великую степь и не стремился к конфликту с ним [20, с. 150].

Первые задокументированные контакты между Большой Ордой и Османским государством относятся к 1466 г. Они отражены в письме хана Махмуда б. Кичи-Мухаммеда к султану Мехмеду II Фатиху (1451–1481) [16, с. 68–79; 33, с. 239–242]. Хан Махмуд наследовал власть в Большой Орде, совместно с братом Ахмедом, после смерти их отца – Кичи-Мухаммеда в 1459 г. [35, с. 293]. Как считают исследователи, между братьями началась борьба за власть, закончившаяся в 1465 г., когда старший брат Махмуд был разгромлен на Дону крымским ханом Хаджи-Гиреем (1441–1466) [10, с. 83–84; 34, с. 295]. После этого поражения Махмуд отошел от дел и обосновался в Хаджи-Тархане, а всей полнотой власти в Большой Орде завладел хан Ахмед (1465–1481). Следовательно, когда Махмуд писал свое письмо турецкому султану от 10 апреля 1466 г., он уже не являлся правителем Большой Орды, а был лишь правителем города Хаджи-Тархан (Астрахани), входившего в состав Большой Орды, либо там могла временно находиться его ставка [9, с. 40; 35, с. 295]. Скорее всего хан Махмуд обладал статусом младшего соправителя при сохранении подчиненности старшему соправителю хану Ахмеду. В письме Махмуда османскому султану не содержится ни каких политических заявлений, а только заверения в дружбе и желание продолжать обмениваться посольствами и торговыми караванами. Однако Махмуд сообщает, что некие «важные дела» привели к тому, что на какое-то время связи между Большой Ордой и Османской империей прекратились. Теперь же, как рассчитывал хан, связи эти вновь возобновятся к взаимному процветанию обоих государств [33, с. 240–241]. Под этими «важными делами» И.В. Зайцев понимает борьбу между Большой Ордой и Крымским ханством за гегемонию в Дешт-и Кипчаке, завершившуюся поражением Махмуда в 1465 г. [10, с. 86]. Тогда не понятно, почему лишившись власти в Большой Орде в результате этого поражения, бывший великий хан пишет письмо Мехмеду II не с предложением заключить военный союз против своих врагов, а с предложением возобновить временно прервавшиеся дипломатические и торговые отношения. Хотя некоторые исследователи и видят в контексте этого письма желание Махмуда наладить союз с Турцией либо против Крыма, либо против брата Ахмеда [10, с. 86; 35, с. 299].

В декабре 1470 г. в Венеции, в Сенате республики было предъявлено послание хана Ахмеда, готового выставить 200 тыс. конницы против турок как доказательство своей решимости вступить в антиосманский союз с Венецией. Республика, измотанная затяжной войной с Турцией с 1463 г., решает отправить 2 апреля 1471 г. в Большую Орду своего секретаря с заданием хорошенько изучить ресурсы и возможности Орды, а также серьезность ее намерений по вступлению в союз против турок [24, с. 176–177]. В 1472 г. в Риме венецианец Вольпе (Иван Фрязин), долгое время проживший в Москве, на аудиенции у Римского папы завил, правда на словах, о решимости большеордынского хана собрать огромное войско против турок и напасть на османские владения со стороны Венгрии, при условии ежемесячной оплаты его военных услуг в размере 10 тыс. дукатов и единовременной выплаты в 6 тыс. дукатов в виде различных подарков [23, с. 64]. Тогда, в силу авантюристности предложения Вольпе

и огромных сумм, якобы требуемых Ахмедом, в заключении предполагаемого союза было отказано. Но, потенциально, Большая Орда могла быть в нем заинтересована в силу продолжающегося противостояния её с Крымским ханством, поддерживаемым Османской империей. К тому же, следует не забывать, что на территории Орды располагалась итальянская фактория Тана, для которой прочный союз с Ахмедом был попросту жизненно необходим.

Тем временем, султан Мехмед II решил окончательно покончить с итальянским присутствием в Северном Причерноморье. 31 мая 1475 г. турецкий флот, насчитывавший около 500 кораблей с десантом и артиллерией, показался у берегов генуэзской Каффы. Флотом командовал великий везир Гедик Ахмед-паша. Численность экспедиционного корпуса османов не превышала 20 тыс. человек [29, с. 155]. Осада города длилась с 1 по 6 июня, после чего Каффа сдалась на милость победителей. Затем, согласно намеченному плану, экспедиционный корпус Ахмед-паши разделился на три части: одна продолжила наступление вдоль южного побережья Крыма, другая отправилась на Восток с целью захвата Таны и других генуэзских крепостей на Таманском полуострове – Матреги и Копы. Третья часть осталась контролировать Каффу. В отличие от захвата турками генуэзских крепостей в Крыму, северо-восточное направление османской экспансии в турецких хрониках описано очень скупо [37, с. 365]. Как справедливо считает В.Л. Руев, это было связано с достаточно быстрым захватом Таны, Матреги и Копы. Эти генуэзские крепости, скорее всего, сдались без всякого сопротивления, деморализованные известиями о быстром падении Каффы – «столицы Черного моря» [29, с. 173–174]. В итоге к концу июня – началу июля 1475 г. все владения генуэзцев в Северном Причерноморье, включая Тану, были полностью захвачены турками. Эпоха итальянского присутствия на Черном и Азовском морях, начавшаяся ещё в XIII в., безвозвратно завершилась. Ей на смену пришла эпоха турецкого владычества, превратившая эти моря во «внутренние озера» Османской империи.

Как же Большая Орда отреагировала на этот акт агрессии со стороны Османской империи? Ведь, как мы видели, генуэзская Тана признавала над собой власть ордынского хана как верховного сюзерена и регулярно выплачивала в Орду таможенные пошлины на ввозимые в город товары. Турки явно не собирались продолжать эти устоявшиеся политические и экономические практики. Первоначальная реакция нам не известна, поскольку первое известное нам письмо хана Ахмеда к Мехмеду II датируется 1476/1477 гг. Видимо поначалу татарский хан не придавал захвату Таны большого значения, поскольку главный его враг – крымский хан Менгли-Гирей, укрывавшийся от своих братьев в генуэзской Каффе, оказался в плену у османов и был отправлен в Стамбул в декабре 1475 г. [10, с. 88]. Поэтому Ахмед мог воспринимать действия турок в Северном Причерноморье как выгодные для себя. По крайней мере удаление из Крыма Менгли-Гирея позволило Ахмеду ввязаться в борьбу за крымский престол. Его ставленником был Джанибек, вероятно сын хана Махмуда б. Кичи-Мухаммеда, которому удалось отеснить братьев Менгли-Гирея – Нурдевлета и Айдара, и захватить власть в Крыму в 1476 г. По мнению В.В. Трепавлова, фактически произошло кратковременное объединение Большой Орды и Крымского ханства [35, с. 301].

Такая смена власти в Крыму могла не понравиться турецкому султану, имевшего свои виды на Крымское ханство. В этой связи можно объяснить попытку Ахмеда заключить союз с Венецией, о котором велась речь еще с 1470 г. Спустя 5 лет, в апреле 1476 г. в Венецию вернулся посланный в Орду Джан Батиста Тревизан в сопровождении послов от хана Ахмеда [23, с. 106–107]. Послы заявили о готовности Большой Орды выступить на стороне Венеции в её борьбе с Османской империей. Заявление татар было воспринято с большой радостью. 10 мая в Орду был послан гонец с щедрыми подарками хану и известием, что его предложение принимается республикой. Но в дело решил вмешаться польский король Казимир IV (1447–1492). Он был настроен против заключения союза с Ахмедом, опасаясь за безопасность своих территорий в случае движения татарского войска по направлению к Константинополю. Венецианский Сенат внял уговорам поляков и отозвал в 1477 г. своего посла в Орду, который дождался в Польше окончательного решения этого вопроса [23, с. 107–110]. Таким образом, Ахмед так и не заполучил себе надежного союзника на случай войны с турками.

В Крыму Ахмеду тоже было не суждено долго продержаться. Его ставленник Джанибек в 1477 г. был выбит из Крымского ханства Нурдеветом, сыном основателя этого государства Хаджи-Гирея [7, с. 181, 182]. Все эти обстоятельства могли сподвигнуть Ахмеда на поиск контактов с самой Османской империей. Подтверждением данного предположения может служить сообщение венецианского посла в Персию А. Контарини, которого татары арестовали в Астрахани 1 мая 1476 г., заявив, что «франки» их враги [15, с. 219]. Таким образом, вместо союза с Венецией Ахмед встал на сторону Турции в продолжавшейся уже много лет венецианско-турецкой войне (1463–1479). Или, по крайней мере, попытался заявить о своем выборе. Скорее всего, Ахмед продолжал ждать возвращения своих послов из Венеции. Поэтому Контарини, хорошенько припугнув продажей в рабство, скоро отпустили за выкуп. Получается, что заявляя о себе, как о союзнике турок, хан Ахмед не хотел портить окончательно и отношения с итальянцами, надеясь, может быть, с их помощью выбить турок из Таны и вернуть себе контроль над этим городом. По крайней мере нужно было дождаться послов, которые бы объявили решение Венеции. А пока следовало налаживать отношения с Мехмедом II.

Вот тут-то и появляется первое письмо хана Ахмеда к турецкому султану, о котором мы говорили выше [10, с. 90–91]. В этом небольшом по объему и степени информативности послании Ахмед явно заискивает перед Мехмедом II, называя его «господином», но одновременно и своим «братом». И.В. Зайцев, первым опубликовавший его перевод, отмечает и тот факт, что на отношения вассалитета по отношению к султану могут указывать как общий тон послания, так и употребление в нем термина «ярлык», который Ахмед просит ему прислать [10, с. 91]. А именно сюзерен мог выдавать ярлыки своим вассалам. Из текста письма нам становится известно, что в Большую Орду перед этим прибыл османский посол Сайид-Мухаммед. Правда не известно, с чем конкретно он прибыл. Возможно с формальным заверением в крепкой дружбе, что отражало устоявшуюся уже дипломатическую практику между двумя государствами. В то же время Ахмед сообщает о какой-то своей

просьбе к султану, которую должен был изложить ему личный «молельщик» хана Исхак, направляемый в Стамбул в составе татарского посольства. Что это была за просьба, нам остается только гадать. Однако хан не настаивал на её непременном выполнении.

Возможно параллельно с этим письмом пишет свое письмо к Ахмеду и Мехмед II Фатих. Точная дата письма нам не известна, но оно могло быть написано не ранее июля 1475 г. и не позднее мая 1477 г. [10, с. 69]. В своем письме турецкий султан извещает большеордынского хана о захвате им «Кафинской страны», т.е. всех генуэзских владений в Крыму, на Тамани и Приазовье, в результате которого они стали соседями. Тон этого письма весьма дружелюбный, Мехмед называет Ахмеда своим братом, говорит о дальнейшем развитии былой дружбы и любви между их государствами. Султан писал, что не мог сразу отправить послание в Орду по причине мятежа «Кара-Богдана» (господаря Молдавии). И лишь покончив с восстанием в Молдавии, «не оставив там камня на камне», Мехмед решил восстановить с Ордой отношения мира, дружбы и доброго соседства [6, с. 72; 32, с. 269–272]. По мнению В.В. Трепавлова это письмо по своей форме напоминало типичный сююнч – радостную весть о победах турок над генуэзцами и Молдавией [35, с. 299]. Выходит так, что турецкий султан ставил Ахмеда перед случившимся фактом захвата турками итальянских факторий в Северо-Восточном Приазовье, предлагая принять это как данность. И Ахмеду пришлось с этим смириться, тем более, что он так и не дождался, как мы уже увидели, ответа из Венеции. Поэтому рассчитывать хану приходилось только на свои силы. А их было явно не достаточно для открытого противостояния, да к тому же всё четче начинали вырисовываться очертания будущего союза Османской империи с Крымским ханством, этим давним врагом Большой Орды. Противостоять им обоим было бы для Ахмеда катастрофой.

Взвесив всё, хан Большой Орды пишет ответное письмо Мехмеду II, датированное 25 мая – 3 июня 1477 г. [16, с. 80–96; 33, с. 242–245]. Многие исследователи отмечали противоречивый характер этого письма. Одни говорили, что оно написано в стиле, применяющимся при переписке с более могущественным государем и отражает реальное соотношение сил между набирающей могущество Османской империей и клонившейся к упадку Большой Ордой [33, с. 244]. Другие видят в тоне письма более свободный стиль, говорящий о возросших амбициях Ахмеда в контактах с султаном [10, с. 91]. Однако, как представляется, правы те, кто отмечают противоречивый характер письма, заключающийся в том, что, с одной стороны, хан называет Мехмеда II «господином султанов арабских и персидских», «властелином над выями народов», «покровителем стран Аллаха», обещает выступить с войском ему на помощь, куда бы он не двинулся. Но, с другой стороны, называя турецкого султана «брат мой», Ахмед выражал этим не только свои дружеские чувства к нему, но и показывал, что тоже является правителем большого государства, равновеликого Турции. Для усиления этого впечатления хан недвусмысленно подчеркивает, что является потомком самого Чингиз-хана, чем не мог похвастать Мехмед [19, с. 84–85; 35, с. 299]. По мнению В.В. Трепавлова в Турции негативно отнеслись к подобным притязаниям хана Ахмеда и прекратили

дипломатические отношения с Большой Ордой. По крайней мере нам больше не известны документы, подтверждавшие продолжение этих контактов [35, с. 299]. Но скорее всего прав А.Н. Некрасов, считавший, что в Стамбуле заняли выжидательную позицию. Мехмед II тогда ещё не решил окончательно, на кого сделать ставку в деле своего утверждения в Северном Причерноморье – на Крымское ханство или Большую Орду. Претендент должен был менее всего проявлять свою самостоятельность и более всего чувствовать на себе власть и покровительство турецкого султана. В таком случае ответ хана Ахмеда совершенно не мог удовлетворить Мехмеда, в котором он позиционировал себе как равного султану, а в некотором смысле даже выше (если учесть принадлежность к «Золотому роду»). Поэтому впоследствии султан окончательно решил ориентироваться на Крымское ханство, тем более что в руках у Мехмеда находился Менгли-Гирей – законный претендент на ханский престол [19, с. 85].

После 1477 г. у нас действительно больше нет ни одного документа, подтверждающего продолжение сношений между Большой Ордой и Османской империей. Однако, следует согласиться с мнением И.В. Зайцева, что четыре сохранившихся письма (одно Махмуда, два Ахмеда и одно Мехмеда) лишь небольшой осколок более обширного комплекса документов, относящихся к отношениям турецких султанов с ордынскими ханами [10, с. 92]. Помочь в наших дальнейших исследованиях может сохранившаяся крымско-турецкая переписка, тем более если учесть, что именно Крымское ханство с 1478 г. становится фактическим вассалом Османской империи. Это событие связывают обычно с повторным восхождением Менгли-Гирея на ханский престол. Как представляется большинству исследователей, Менгли-Гирей вернулся из Турции в Крым в самом конце 1478 г. [19, с. 86]. Практически сразу по возвращению крымский хан отправляет в Москву к великому князю Ивану III своих послов Алачея и Сырпяка для оформления союза, направленного против Большой Орды [31, с. 15]. Можно предположить, что этот союз был заранее согласован и одобрен сюзереном Менгли-Гирея – турецким султаном Мехмедом II, решившим ослабить Большую Орду, которая могла также претендовать на господство в Северном Причерноморье. При этом, в отличие от Мехмеда, хан Ахмед мог считать эти земли своими законными владениями, временно вышедшими из-под его контроля.

Тем временем, зимой 1478/79 г. Порта начала мирные переговоры с Венецией, закончившиеся 5 мая 1479 г. заключением мирного договора [21, с. 73–74]. Таким образом, ни о каком антиосманском союзе между Венецией и Большой Ордой не могло быть и речи. В предстоящей борьбе против Крыма и его союзника великого князя Московского, Ахмед заключает договор о военном сотрудничестве с Польско-Литовским государем Казимиром IV в 1479–1480 гг. [21, с. 86; 10, с. 92–93; 35, с. 304]. В первую очередь этот польско-ордынский союз был направлен против Ивана III. В случае успеха для Ахмеда открывалась возможность восстановить своё владычество если и не на все территории бывшего Улуса Джучи, то хотя бы на западный Дешт-и Кипчак с Крымом и Северным Причерноморьем. Для Казимира победа над Великим княжеством Московским сулила усиление его роли в Восточной

Европе. Для обоих государей поражение Москвы означало бы ослабление её союзника – Крымского ханства, а это, в свою очередь, привело бы к шаткости положения Турции в регионе.

Выполняя свои союзнические обязательства, летом 1480 г. хан Ахмед с большим войском выступил в поход на Москву. Как хорошо всем известно, поход этот закончился неудачей. Одной из причин поражения Большой Орды историки называют «труднообъяснимое» нежелание Казимира отправить войско на помощь Ахмеду в силу взятых на себя союзнических обязательств. Возможно в этом особую роль сыграла Османская империя. Мехмеду II абсолютно не выгодным было бы усиление Польско-Литовского государства. Стремясь не допустить укрепления позиций Польши в Северном Причерноморье, Порты распространяла ложные слухи о своем возможном вторжении в южные пределы литовских владений. Так, в мае 1480 г. в Вильно прибыл посол из Молдавии, который сообщил о приказе султана строить дороги в направлении Каменец-Подольского. Эта дезинформация, дойдя до польского короля, могла повлиять на его отказ от посылки войск на Угру [21, с. 100]. Ещё более веской причиной, безусловно, было спланированное Портой вторжение крымских татар в Подолию в первой половине октября 1480 г., как раз в то время, когда Ахмед стоял на Угре, ожидая прихода войск своего союзника Казимира. Хотя сам Менгли-Гирей заявлял польскому послу Ивану Глинскому о своей непричастности к этому «незапланированному» набегу крымских «лихих людей» [21, с. 88; 2, с. 150].

После гибели хана Ахмеда в 1481 г. престол Большой Орды наследовали его сыновья. Однако, согласно русским источникам, в Москве, начиная с апреля 1481 и по март 1484 гг. не знали, кто является правителем Большой Орды, поэтому поручали своим послам в Крыму выведывать «кто будет на том юрте на Ахматове месте царь» [31, с. 26, 27–28, 31, 36, 39]. Впервые имена новых большеордынских ханов появляются в грамоте Ивана III к князю В.И. Ноздроватому, находящемуся с посольской миссией в Крыму, датированной июнем 1484 г. В ней сообщается, что на тот момент в Орде правило сразу два царя – Муртаза и Саид-Ахмед [31, с. 43]. Столь долгое отсутствие сведений о легитимной власти в Большой Орде исследователи связывают с тем, что после разгрома сибирско-ногайским войском ставки хана Ахмеда, его беклербек Тимур, прихватив с собой царевичей Муртазу и Саид-Ахмеда (Саид-Махмуда), отправился в Крым, перейдя под покровительство Менгли-Гирея [35, с. 309]. Спустя три года ордынские царевичи решили бежать. Саид-Ахмеду с Тимуром удалось уйти, а вот Муртазу Менгли-Гирей сумел взять в заложники. Собрав воедино разрозненные силы Большой Орды новый хан Саид-Ахмед вторгся в Крым и освободил брата. С этого времени в восстановленной Орде и стали править одновременно два хана [35, с. 309–310]. Однако Р.Ю. Почекаев считает, что пока старшие Ахматовичи находились в Крыму, в Большой Орде ханский престол занимал их младший брат Шейх-Ахмед с 1481 по 1484 гг. [27, с. 229, 353].

Воспользовавшись поражением Большой Орды и её временным выходом из геополитической борьбы за Северное Причерноморье, Османская империя решила нанести удар и по союзнику Ахмеда – королю Казимиру IV. В 1482 г.

Менгли-Гирей совершил поход на Киевщину, выполняя стратегическую задачу османо-крымской дипломатии по ослаблению своих противников в Восточной Европе [21, с. 88]. Тем временем новый турецкий султан Баязид II (1481–1512) продолжал курс на сближение с Москвой, готовясь к предстоящим столкновениям с Польско-Литовским государством. Создав благоприятную для себя расстановку сил в регионе, Порта стремилась к упрочнению своих позиций в Северном Причерноморье и расширению здесь своего влияния. Для достижения этой цели турецким султанам необходимо было добиться ослабления сотрудничества Большой Орды и Польско-Литовского государства. Главным помощником здесь для Баязида продолжал выступать Менгли-Гирей. Тем временем начавшая возрождаться Большая Орда, возглавляемая ханами Муртазой и Саид-Ахмедом, решает восстано-вить свой пошатнувшийся авторитет в регионе. В 1485 г. братья Ахматовичи вторгаются в Крым, разбивают Менгли-Гирея, разоряют г. Эски-Кырым, а также предпринимают попытку подчинить себе и турецкие владения на полуострове. На помощь Крыму Баязид отправляет войско, с помощью которого крымский хан сумел отбить атаку Большой Орды [19, с. 93–94; 27, с. 229; 2, с. 212]. В следующем 1486 г. Иван III сообщал своему союзнику Менгли-Гирею, что ордынские ханы собираются снова напасть на Крым, если только тому не будет вновь оказано турецкой помощи. В случае же поддержки со стороны Порты поход ордынцев не состоится, поскольку те «Турков деи блюдутся добре» [31, с. 53].

По мнению К.В. Базилевича, именно с этого момента, т.е. с 1485 г., Османская империя окончательно становится на сторону Крымского ханства и благодаря своей военной помощи меняет баланс сил в Дешт-и Кипчак в пользу последнего [2, с. 212]. Для «Ахматовых детей» стало абсолютно очевидным, что за спиной их главного врага Менгли-Гирея теперь находится могущественный османский султан. Поэтому любой конфликт с Крымом мог привести к осложнению отношений с Высокой Портой. А этого в Большой Орде явно не хотели, трезво оценивая свои реальные возможности. В силу перечисленных обстоятельств агрессивные действия ордынцев против Крыма затухают. В своем письме к турецкому султану Баязиду II в 1486 г. Менгли-Гирей сообщает, что им было получено письмо от ханов Большой Орды, а также, что в Орду отправлен крымский посол, возвращения которого с нетерпением ожидают для получения достоверной информации о ситуации в кочевой державе. Мы видим, что эти сведения были крайне важны для Турции. Единственное, что было известно на тот момент Менгли-Гирею о Большой Орде, так это то, что «положение их весьма тяжелое» [10, с. 93]. Следовательно, мы можем говорить о попытках Ахматовичей наладить отношения с Крымским ханством в силу тяжелого внутреннего положения в Орде, а также возможного осознания бесперспективности дальнейшей борьбы за гегемонию в Дешт-и Кипчак, пока за спиной Крыма будет стоять Турция.

Турецкий султан пытался выступать арбитром в налаживании отношений между Большой Ордой и Крымским ханством. Так, в грамоте от 10 марта 1491 г. Менгли-Гирей сообщал казанскому хану Мухаммед-Амину, что султан Баязид II вступился за Ахматовых детей, предлагая ему жить с ними в добрососедских отношениях. Идя на предложение турецкого султана, 2 сен-

тября 1490 г. послы от ханов Саид-Ахмеда и Шейх-Ахмеда, беклербека Орды Хаджике и карачи-беков прибыли к Крыму и учинили с Менгли-Гиреем шертъ. Правда это не помешало им тут же нарушить соглашение и разорить крымские улусы рода Барын [31, с. 108]. В ответ крымцы угнали у ордынцев большое количество лошадей. Как видим, миротворческая инициатива Баязида II не увенчалась успехом.

Сами Ахматовичи пытались заручиться если не поддержкой, то хотя бы невмешательством турецкого султана в дела, происходящие в Дешт-и Кипчак. Нам известно, что около 1491 г. хан Муртаза отправлял посольство к Баязиду II с заверениями в дружбе и братстве с крымским ханом Менгли-Гиреем. Примечательно, что Менгли-Гирея Муртаза называет «брат наш старейшой», признавая тем самым как бы верховенство Крыма над Большой Ордой. Муртаза снимает с себя все обвинения со стороны Менгли-Гирея, который жаловался султану на постоянную вражду со стороны «Ахматовых детей», что все эти враждебные действия совершал его брат Саид-Ахмед, «да того нынче не стало на царстве, и яз с ним с своим братом (Менгли-Гиреем – М.Ш.) в братстве да и в миру» [31, с. 111–112]. Однако великокняжеский посол в Крыму В.В. Ромодановский в мае 1491 г. доносил в Москву, что Муртаза лгал султану, рассчитывая на то, что тот не будет отправлять военную помощь Крыму. И это удалось Ахматовичу, поскольку Ромодановский сообщал, что «турьской и рать свою воротил» [31, с. 112]. Следовательно, Большая Орда продолжала дипломатические контакты с Османской империей и султаны доверяли поступающей из Орды информации.

С другой стороны крымский хан также слал своих послов к султану с прямо противоположной информацией о враждебном настрое Орды. Так, в октябре того же 1491 г. в Крым прибыл турецкий посол, а с ним 2000 янычар для оказания военной помощи Менгли-Гирею против Ахматовичей. Этот посол затем должен был отправиться в Большую Орду с требованием султана отвести свои кочевья «с того поля» [31, с. 118]. Турецкий посол прибыл из Крыма в Азак, который на тот момент являлся каза (кадылыком) в составе османского санджака Кефе [17, с. 187]. Туда, в Азак, прибыл и хан Муртаза за турецким послом, с которым они и направились вместе в Орду для ведения переговоров. Как сообщал всё тот же посол В.В. Ромодановский, в это время в Большой Орде на царстве были Шейх-Ахмед и Саид-Ахмед [31, с. 119]. Как видим, турецкий посол должен был оказать давление на Ахматовичей, чтобы те ушли с кочевий, непосредственно примыкавшим к владениям крымского хана, основного союзника султана. Результатом переговоров с турками стало прекращение со стороны Большой Орды военных действий против Крымского ханства [31, с. 121].

Летом 1500 г. Шейх-Ахмед отправляет своего посла Куюка (Гуюка) к Кефинскому санджакбею шахзаде Мехмеду с просьбой разрешить перекочевать к Днепру, поскольку на своих исконных кочевьях Большая Орда подвергалась постоянным нападениям со стороны ногаев и черкес. Примечательно, что большеордынский хан обращается уже не турецкому султану, как было ещё десятилетие назад, а к его наместнику в Северном Причерноморье. Таким образом, налицо падение политической роли и авторитета Большой

Орды в регионе. Шахзаде ответил хану отказом, заявив, что земли по Днепру принадлежат крымскому хану Менгли-Гирею и для решения этого вопроса надо обращаться напрямую к султану Османской империи [31, с. 321]. В следующем году Шейх-Ахмед, по совету кефинского санджакбея, отправил-таки посла к Баязиду II с просьбой разрешить ему перейти через Днепр и расположиться «на поле» у Аккермана. Однако султан не дал своего разрешения Большой Орде на смену кочевий, да ещё к тому же посла ордынского «не чтив отпустил» [31, с. 354]. Явно хан Большой Орды был не в милости у турецкого султана. Тогда же Баязид отправляет грамоту Менгли-Гирею, в которой просит самостоятельно в бой с Шейх-Ахмедом не вступать, если тот ослушается его приказа и самовольно начнет перекочевывать к Днепру, а отправить к нему гонцов с известием. Если же Шейх-Ахмед переправится на правую сторону Днепра, то турецкий султан обещал ударить по нему от Аккермана, а Менгли-Гирей напал бы на Орду со своей стороны [31, с. 357].

Интересно послание хана Шейх-Ахмеда к великому князю Литовскому Александру (1492–1506), относящееся к зиме 1500 г. В нем большеордынский хан сообщает своему союзнику, что к весне он будет находиться в Азове, туда бы к нему и направили посла [39, р. 157]. Следовательно, турецкая крепость Азак также рассматривалась ханом Шейх-Ахмедом как возможное место укрытия в случае поражения от внутренних или внешних врагов. Вообще следует отметить, что еще с конца XV в. Азак стал рассматриваться выходцами из распадавшейся Большой Орды как место притяжения. Сюда стекались татары, которые не хотели больше связывать себя какими-либо подданническими отношениями с Ордой и именно из них стал формироваться слой вольных степных казаков, которые были малоуправляемы и независимы как от ханов Большой Орды, так и турецкого коменданта Азака. Это тюркское в своей основе казачество стало фигурировать в источниках под названием «азовские казаки» [36, с. 174–175]. Одно из первых упоминаний об азовских казаках относится к 1496 г., когда Менгли-Гирей посылал своих людей к азовским казакам с предложением, чтобы те напали в степи на литовских и большеордынских послов [39, р. 119]. Из этого известия можно сделать два очень важных вывода. Во-первых, раз азовским казакам предлагалась напасть на послов из Большой Орды, следовательно эти казаки не могли являться её подданными. А во-вторых, если Менгли-Гирей обращался напрямую к казакам, а не к турецкой администрации Азака, то это свидетельствует и об их самостоятельности по отношению к османским властям. При этом источники четко различают собственно ордынских и азовских казаков. Так, в русских летописях говорится, что в сентябре 1499 г. под Козельск приходили «Татарове ордыньские казаки и Азовские» [25, с. 44]. То, что и те и другие были татарами у современников не вызывало ни какого сомнения. Иногда в документах их называют просто «Азовские татарове, да ордынские татарове» [31, с. 349]. Источники сохранили нам имена предводителей азовских казаков – это «Угуз Черкас да Карабай», «Караман», «Кудаичик, Садылла, Индырчей, Даньяр, Кара» [25, с. 44; 31, с. 321, 349]. Все эти имена имеют явно тюркское происхождение.

Почему именно турецкая крепость Азак стала местом, куда стекались выходцы из Большой Орды? Прошло не так много времени с приходом турок

в Северо-Восточное Приазовье, а именно около двух десятилетий, и отношение татар к ним меняется, если даже хан Шейх-Ахмед рассматривал турецкую крепость в качестве возможного места укрытия. Можно предположить, что эволюция татарско-турецких отношений прошла несколько этапов. Первоначально в Большой Орде настороженно восприняли такое соседство и даже предприняли несколько попыток заключить военно-политические союзы с целью вытеснить незваных пришельцев из исконно татарских степей. Когда же к татарским ханам пришло осознание, что ни с помощью ненадежных союзников, ни тем более своими собственными силами с турками справиться не получится, тогда попробовали хотя бы заручиться невмешательством турок в выяснение отношений со своими геополитическими соперниками в регионе, как-то Крымское ханство. Когда же и этого не удалось добиться, на фоне разлагающейся обстановки в самой Большой Орде, вызванной рядом объективных внешне- и внутреннеполитических процессов, в турках стали искать надежную защиту и покровительство, и Азак превратился в островок стабильности в море нарастающего беспорядка и хаоса. Свою роль сыграли также такие факторы как языковая, религиозная и, отчасти, культурная близость татар и османов. Этот процесс сближения ещё более усилился с окончательным развалом Большой Орды, когда основная масса ордынских татар влилась в состав азовских казаков, не пожелав подчиниться своим победителям и соперникам – крымским татарам.

В 1500 г. азовские казаки, числом 250 чел., во главе с Караманом и ордынские казаки в количестве 50 чел. под руководством Аккубека, напали на русское и крымское посольства, следующие в Крым. Награбленное у послов добро и захваченных в плен людей они попытались сбыть в Азаке. Менгли-Гирей обратился к Кефинскому санджакбею с требованием сыскать в Азаке и вернуть награбленное, а самих казаков, участвовавших в набеге, казнить или выдать ему. Примечательно, что крымский хан считал азовских казаков подданными османской администрации: «твои (санджакбея Кефе – М.Ш) казаки Азовские стерегли наших послов три месяца, да наших послов побили» [31, с. 322]. Выходит, что Азак был ещё и пунктом сбыта награбленного казаками в их набегах. Причем набеги эти совершались как на русские, так и на литовские владения, и не обязательно с ведома османских или ордынских властей [31, с. 324].

Весной 1501 г. кефинский санджакбей шахзаде Мехмед организовал набег на черкесов. Примечательно, что в этом набеге к туркам примкнули как те же черкесы, только находящиеся на службе у турок, так и азовские казаки во главе с сыном большеордынского хана Муртазы. Поход закончился неудачно, черкесы наголову разбили нападавших, «а Муртозин сын утек, а людей у него многих побили» [31, с. 357]. Следовательно, связь между азовскими казаками и Большой Ордой не прерывалась и представитель правящего в Орде рода воспринимался казаками как свой. Важным для нас является и тот факт, что в этом набеге азовские казаки действуют совместно с турками как равноправные союзники, но не как вассалы или подданные. Иначе современник не преминул бы указать на их служилый статус, как он сделал это по отношению к черкесам.

Тем временем русские послы сообщали Ивану III из Крыма летом 1502 г., что турецкий султан отправил своего посла в Большую Орду к хану Шейх-Ахмеду с разрешением перейти на правый берег Днепра и кочевать «на Белой Воде да на Синей», но татары зачем-то убили турецкого посла на Днепре [31, с. 418]. Чуть ранее был также отправлен посол от Баязида к Менгли-Гирею с предложением заключить мир с Шейх-Ахмедом. Видимо в Стамбуле пересмотрели свою позицию по отношению к Большой Орде. Хотя тот же русский посол А.Г. Заболоцкий писал, что турецкий султан предлагал военную помощь крымскому хану в походе на Большую Орду, но хан от этой помощи отказался [31, с. 418]. Выходит явное противоречие. С одной стороны, Турция как будто заинтересована в примирении двух татарских ханств, а с другой не против, чтобы Менгли-Гирей разгромил Шейх-Ахмеда. Возможно это было как-то связано с убийством турецкого посла людьми Шейх-Ахмеда, о чем писал А.Г. Заболоцкий. Как бы там ни было, крымский хан выступил в поход на Большую Орду в мае 1502 г. Шейх-Ахмеду не помогли ни переговоры с Турцией о возможном покровительстве, ни союзнические отношения с Литвой. В середине июня 1502 при впадении Сулы в Днепр Большая Орда была разгромлена Менгли-Гиреем [35, с. 322]. Её улусы перешли в крымское подданство и были переселены ближе к Перекопу. Однако, как мы уже отмечали, не все татары решили принять подданство Гиреев. Часть их ушла к османскому Азаку и влилась в азовское казачество, начавшее формироваться здесь в 90-е гг. XV в. Большая Орда исчезла с исторической сцены. А турки остались в Северо-Восточном Приазовье ещё на два с лишним столетия. Они контролировали приазовские степи из Азака – северо-восточного форпоста Османской империи на бывших ордынских землях. И лишь в конце XVII в. Северо-Восточное Приазовье будет отвоевано у турок Россией, правда ещё не окончательно. Турки ещё будут пытаться оспаривать право на этот регион в XVIII в., но с падением в 1783 г. Крымского ханства тюрко-татарская эпоха в истории Северо-Восточного Приазовья закончится.

Выводы. После того, как в 1475 г. турки захватили итальянскую факторию Тана в Северо-Восточном Приазовье, владения Османской империи вплотную приблизились к владениям Большой Орды. Насколько мы можем судить из дошедших до нас источников, этому событию в Большой Орде не придали большого значения. Хан Ахмед мог воспринимать захват турками итальянских колоний в Крыму и Приазовье в выгодном для себя свете, поскольку в плен к османам попал главный враг Орды – крымский хан Менгли-Гирей. Вместе с тем в Большой Орде не оставляли надежд на вытеснение турок из региона с помощью той же Венеции, куда Ахмед отправил своих послов. Когда же антиосманский союз с итальянцами не сложился, на фоне внешнеполитических поражений от Крыма и Москвы к существованию в Приазовье турецкой крепости Азак в Орде стали относиться как к данности. Из дошедших до нас документов официальной осmano-татарской переписки мы не видим ни каких претензий со стороны ханов к султанам. Получается, что захват Таны турками никак не повлиял на отношение к ним в Орде. А уже при приемниках Ахмеда Азак стал рассматриваться в Большой Орде как новое место притяжения. Именно здесь стало формироваться вольное азовское казачество, в массе

своей состоявшее из выходцев из распадающейся Большой Орды. Большую роль в сближении татар с османами в Приазовье сыграли языковая, религиозная и культурная близость между двумя народами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аваков П.П. «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII века. СПб.: Историческая иллюстрация, 2022. 800 с.
2. Базилиевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Изд-во Московского университета, 1952. 543 с.
3. Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. С. 113–161.
4. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 480 с.
5. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 374 с.
6. Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 28–89.
7. Гулевич В.П. О хронологии правлений и личностях правителей Крымского ханства в 1475–1478 гг. // Золотоордынское обозрение. 2014. №2 (4). С. 172–190.
8. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: КРА-САНД, 2010. 248 с.
9. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Вост. лит., 2006. 303 с.
10. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М.: Рудомино, 2004. 216 с.
11. Зенюк Д.И., Масловский А.Н. Керамический комплекс первой четверти XV в. из раскопок в городе Азове // Поволжская археология. 2018. №2 (24). С. 204–221. <https://doi.org/10.24852/ра2018.2.24.204.221>
12. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства в XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 142 с.
13. Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв.: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2021. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. 378 с.
14. Ковалевский М.М. К ранней истории Азова // Труды XII Археологического съезда в Харькове. Т. II. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1905. С. 109–174.
15. Контарини А. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. С. 188–235.
16. Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 256 с.
17. Курникова О.М. Кефинский эялет // История крымских татар. В 5 томах. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 183–195.
18. Масловский А.Н. Азак и его округа в первые десятилетия их существования. Проблемы зарождения и роста золотоордынских городов // Археология Евразийских степей. 2018. №4. С. 260–265.
19. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI века) // А.М. Некрасов. Избранные труды. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 45–140.

20. Орешкова С.Ф. Крымское ханство в XV–XVI вв.: роль османского вассала в политическом становлении постордынской Восточной Европы. М.: ИВ РАН, 2022. 622 с.
21. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М.: Наука, 1984. 301 с.
22. Петров П.Н. Деньги и денежная политика Джучидов в XIII–XV вв. // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 616–633.
23. Пирлинг П. Россия и Восток. СПб.: типография А.С. Суворина. 1892 с. 235 с.
24. Пирлинг П.О. Россия и папский престол. Кн. 1. Русские и Флорентийский собор. М.: Печатня А.Л. Будо, 1912. 452 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т.6. Софийские летописи. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853. 359 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Спб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. 256 с.
27. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб: ЕВРАЗИЯ, 2010. 408 с.
28. Рева Р.Ю. Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 704–729.
29. Руев В.Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 г. Симферополь: «Антиква», 2014. 306 с.
30. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное Изд-во, 1960. 276 с.
31. Сборник русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. 1. СПб.: типография Ф. Елеонского и К^о. 1884. 558 с.
32. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII века. СПб.: университетская типография в Казани, 1887. 768 с.
33. Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975. М.: Наука, 1978. С. 234–251.
34. Трепавлов В.В. Административное устройство. Организация управления // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 148–157.
35. Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт Эли. Очерк истории // Трепавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2019. С. 237–330.
36. Трепавлов В.В. Тюркское казачество во время и после распада Золотой Орды // Казачество в тюркском и славянском мирах: колл. монография. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2018. С. 173–201.
37. Хайбуллаева Ф.Х. Новый турецкий источник по истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2001. Вып. VIII. С. 362–368.
38. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.
39. Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų 1-kla, 1994. Кн. 5: (1427–1506). 402 p.

REFERENCES

1. Avakov P.P. The Azov project» of Peter the Great: The Northeastern Azov region in the foreign and domestic policy of Russia at the end of the 17th – beginning of the 18th century. St. Petersburg: Historical Illustration, 2022. 800 p. (In Russian)
2. Bazilevich K.V. Foreign policy of the Russian centralized State. The second half of the 15th century. Moscow: Moscow State University, 1952. 543 p. (In Russian)
3. Barbaro I. Journey to Tana. Barbaro and Contarini on Russia: On the history of Italian Russian relations in the 15th century. Leningrad: Nauka, 1971, pp. 113–161. (In Russian)
4. Grekov B.D., Yakubovsky A.Y. The Golden Horde and its Fall. Moscow- Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 480 p. (In Russian)
5. Grekov I.B. Essays on the history of international relations in Eastern Europe of the 14th–16th centuries. Moscow: Vostochnaya literatura, 1963. 374 p. (In Russian)
6. Grigoriev A.P. The time of writing Ahmat “Yarlyk’s”. Historiography and source studies of the history of Asian and African countries. Issue 10. Leningrad: Leningrad State University, 1987, pp. 28–89. (In Russian)
7. Gulevich V.P. On the chronology of the reigns and personalities of the rulers of the Crimean Khanate in 1475–1478. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 2 (4), pp. 172–190. (In Russian)
8. Egorov V.L. Historical geography of Golden Horde in 13th–14th centuries. Moscow: KRASAND, 2010. 248 p. (In Russian)
9. Zaitsev I.V. Astrakhan Khanate. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. 303 p. (In Russian)
10. Zaitsev I.V. Between Moscow and Istanbul. The Jochid states, Moscow and the Ottoman Empire (the beginning of the 15th – the first half of the 16th centuries). Moscow: Rudomino, 2004. 216 p. (In Russian)
11. Zenyuk D.I., Maslovskiy A.N. Ceramic complex of the first quarter of the 15th century from excavations in the city of Azov. *Povolzhskaya arkhеologiya=Volga Archeology*. 2018, no. 2 (24), pp. 204–221. <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.204.221> (In Russian)
12. Iskhakov D.M. The Turkic-Tatar states in the 15th–16th centuries. Kazan: Tatar Book Publ., 2009. 142 p. (In Russian)
13. Karpov S.P. The history of Tana (Azov) in the 13th–15th centuries: in 2 volumes. St. Petersburg: Aleteya, 2021. Vol. 1. Tana in the 13th–14th centuries. 378 p. (In Russian)
14. Kovalevsky M.M. On the early history of Azov. Proceedings of the XII Archaeological Congress in Kharkov. Vol. 2. Moscow: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova, 1905, pp. 109–174. (In Russian)
15. Contarini A. Journey to Persia. Barbaro and Contarini on Russia: On the history of Italian Russian relations in the 15th century. Leningrad, Nauka, 1971, pp. 188–235. (In Russian)
16. Kurat A.N. Collected works. Book 1. Labels and biographies of the Khans of the Golden Horde, Crimea and Turkestan in the archive of the Topkapi Palace Museum. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 256 p. (In Russian)
17. Kurnikova O.M. Kefinsky eyalet. In: The History of the Crimean Tatars. In 5 volumes. Vol. 3. The Crimean Khanate (15th–18th centuries). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021, pp. 183–195. (In Russian)
18. Maslovskiy A.N. Azak and its districts in the first decades of their existence. Problems of the origin and growth of the Golden Horde cities. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey=Archeology of the Eurasian Steppes*. 2018, no. 4, pp. 260–265. (In Russian)

19. Nekrasov A.M. International relations and the peoples of the Western Caucasus (the last quarter of the 15th – first half of the 16th century). A.M. Nekrasov. Selected works. Nalchik: Publishing Department of KBIGI, 2015, pp. 45–140. (In Russian)
20. Oreshkova S.F. The Crimean Khanate in the 15th–16th centuries: the role of the Ottoman vassal in the political formation of post-Horde Eastern Europe. Moscow: Vostochnaya literatura, 2022. 622 p. (In Russian)
21. The Ottoman Empire and the countries of Central, Eastern and Southeastern Europe in the 15th–16th centuries. Moscow: Nauka, 1984. 301 p. (In Russian)
22. Petrov P.N. Money and monetary policy of the Jochids in the 13th–15th centuries. Golden Horde in World History. A collective monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 616–633. (In Russian)
23. Pirling P. Russia and the East. St. Petersburg: Tipografiia A.S. Suvorina, 1892. 235 p. (In Russian)
24. Pirling P.O. Russia and the Papal Throne. Book 1. The Russians and the Florence Cathedral. Moscow: A.L. Budo Printing House, 1912. 452 p. (In Russian)
25. The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 6. Sofia Chronicles. St. Petersburg: Tipografiia Eduarda Pratsa, 1853, 359 p. (In Russian)
26. The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 11. The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle. St. Petersburg: Tipografiia I.N. Skorohodova, 1897, 256 p. (In Russian)
27. Pochekaev R.Yu. The Kings of the Horde. Biographies of the khans and rulers of the Golden Horde. St. Petersburg: EURASIA, 2010. 408 p. (In Russian)
28. Reva R.Yu. The struggle for power in the first half of the 15th century. The Golden Horde in World History. A collective monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 704–729. (In Russian)
29. Ruev V.L. The Turkish invasion of Crimea in 1475. Simferopol: Antiqua, 2014, 306 p. (In Russian)
30. Safargaliev M.G. The Collapse of the Golden Horde. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatelstvo, 1960. 276 p. (In Russian)
31. Collection of the Russian Historical Society. Vol. 41. Monuments of diplomatic relations of Ancient Russia with foreign powers. Monuments of the diplomatic relations of the Moscow state with the Crimean and Nagai Hordes and with Turkey. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiia F. Eleonskogo i Co, 1884. 558 p. (In Russian)
32. Smirnov V.D. The Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte until the beginning of the 18th century. St. Petersburg, Universitetskaya tipografiia v Kazani, 1887, 768 p. (In Russian)
33. Sultanov T.I. Letters of the Golden Horde khans. The Turkological collection. 1975. Moscow: Nauka, 1978, pp. 234–251. (In Russian)
34. Trepavlov V.V. Administrative structure. Organization of management. The Golden Horde in World History. A collective monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 148–157. (In Russian)
35. Trepavlov V.V. Bolshaya Horde – Takht Eli. An essay on history. In: Trepavlov V.V. Steppe empires of Eurasia: Mongols and Tatars. Moscow: Quadriha, 2019, pp. 237–330. (In Russian)
36. Trepavlov V.V. The Turkic Cossacks during and after the collapse of the Golden Horde. In: Cossacks in the Turkic and Slavic worlds: a collective monograph. Kazan: A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018, pp. 173–201. (In Russian)
37. Khaibullayeva F.Kh. A new Turkish source on the history of Crimea. *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. Simferopol, 2001, Iss. 8, pp. 362–368. (In Russian)
38. Shpuler B. The Golden Horde. Mongols in Russia. 1223–1502. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 500 p. (In Russian)

39. Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Litovskaya Metrika. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų 1-klasė, 1994. Book 5: (1427–1506). 402 p. (In Lithuanian, English, Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максим Евгеньевич Шалак – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Института управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет (344006, ул. Б. Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5367-0169. E-mail: shemjchich@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim E. Shalak – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy, Institute of Management in Economic, Environmental and Social Systems, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5367-0169. E-mail: shemjchich@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 07.04.2025

Поступила после рецензирования / Revised 12.02.2026

Принята к публикации / Accepted 11.03.2026